

Лян Шу уловил скрытый смысл его слов и приказал двум стражникам подойти, разрезать одежду советника и обнажить тело. Осмотрев, они действительно обнаружили татуировку Учения Белого Благословения. Сектанты, пользуясь стихийными бедствиями и сговорившись с продажными чиновниками, а затем вовлекая в свои ряды беженцев, превратили весь бассейн реки Байхэ в настоящее болото. Подобное не редкость. Лян Шу сказал:

— Увести. Выяснить всё, что требуется.

— Есть! — Гао Линь дал знак стражам следовать за ним. Лю Сюаньань же велел А-Нину пойти с ними и перевязать сектанта, дабы тот не умер во время допроса.

Народ на месте всё ещё не решался поднять головы, и даже когда воины Янь помогли им подняться, некоторые думали, что жить им осталось недолго. Лю Сюаньань тогда громко объявил:

— Война окончена! Не стойте здесь на ветру, ступайте по домам и отдыхайте!

Окончена. Услышав эти слова, все остолбенели, будто во сне. До этого они много дней томилась в тревожном ожидании войны, и ожидание это довело их до полного изнеможения. Факелы выстроились в огненную цепь, и воины Янь повели людей домой. Лишь тогда самые отважные осмелились украдкой взглянуть на легендарного князя Сяо.

Ни капли свирепости, ни намёка на демоническую внешность. Напротив — молод, статен, взгляд ясен, как звёзды. Серебряные доспехи, окровавленный длинный меч, а во взгляде — мягкость, да ещё, кажется, улыбка, когда смотрит на юного лекаря.

Лю Сюаньаню было душно в маске, и он всё норовил её поправить. Лян Шу, пошарив у него за ухом, аккуратно снял маску целиком и тыльной стороной пальца провёл по покрасневшей коже:

— Сам потом мазь нанеси.

— Хорошо, — Лю Сюаньань оглянулся на народ. Люди уже почти разошлись, лишь Мяо Чанцин с остатками своих людей стоял на месте. Старик Мяо, увидев лицо лекаря без маски, явно изумился, вытаращив глаза и вглядываясь. Лян Шу заметил это и спросил:

— Кто сей муж?

— Мяо Чанцин, тоже подчинённый Хуан Вансяна, — ответил Лю Сюаньань. — Но он всегда защищал народ и с Юань Цзуном не сходилась.

— Тогда двор должен сначала взять его под стражу, просто так отпустить нельзя, — сказал Лян Шу. — Когда истина прояснится и если он действительно заслуживает, я наказание смягчу.

— Хорошо, — Лю Сюаньань слегка забеспокоился и понизил голос. — Но у дяди Мяо ноги больные, сырости не переносит. Можно не сажать в темницу?

Лян Шу велел своим воинам найти в городе пустой дом и временно разместить там Мяо Чанцина с его людьми под стражей. Лю Сюаньань тоже вошёл в город, успокоил Мяо Чанцина парой слов, затем прилёг ненадолго, а проснувшись, отправился в лагерь за городом помогать перевязывать раненых. Так провозился три дня, что даже лица Лян Шу не видел.

Лишь на четвёртый вечер, перевязав последнего раненого, он свалился от усталости, голова

кружилась, и возвращаться на ночлег не было ни сил, ни желания. Пошатываясь, он добрался до тихого местечка, кое-как умылся у ручья, плюхнулся на землю и мигом провалился в сон. Ни намёка на тонкие грёзы — не до того было. Врата трёх тысяч миров накрепко заперты, и на табличке красуется «Не беспокоить», но кто-то упорно норовил вломиться внутрь.

В воздухе витал знакомый аромат сандалового дерева. «Надоедливый же ты», — подумал Лю Сюаньань и громко, подражая ему, провозгласил:

— Сегодня я тоже закрыт!

Лян Шу снял плащ и укутал его слегка озябшее тело, обнял за плечи, присел на одно колено и, склонив голову, спросил:

— Что там бормочешь?

Лю Сюаньань спал непробудно — когда он не желал просыпаться, хоть небо обрушья, не шелохнётся. Лян Шу больше не спрашивал, а подхватил его на руки, отнёс в лагерь и уложил на свою койку, чтобы тому было удобнее. Но в походных условиях нет ни широких лож из красного дерева, ни мягких перин — лишь узкая доска с тощим тюфяком. Удобства не добиться. Во сне второму господину Лю почудилось, будто лежит он на груди острых камней. Нахмурившись, подумал: «И куда это я забрёл?» — и, собрав последние силы, поднялся, не открывая глаз, и заковылял прочь, спотыкаясь на каждом шагу.

Лян Шу уже собрался уходить, услышал шорох, обернулся — и как раз поймал налетевшую на него нежную тёплую прелесть. Растерялся, рассмеялся и мысленно выругался: «Вот напасть». Глянул на того, кто ни спал, ни бодрствовал:

— И лунатизм к тому же?

Лю Сюаньань ничего не слышал. Босые ноги его ступали по земле вяло, руки повисли на плечах Лян Шу, и всей тяжестью своей он на него облокотился — спал, а выглядел как хмельной, да ещё и не из благонравных пьяниц: пристал — и держись.

Пришлось Лян Шу снова уложить его на койку. Но Лю Сюаньань не отпускал, устроившись во сне поудобнее, точно котёнок в гнезде. Лян Шу полулёг в изголовье, протянул руку, достал одеяло и укрыл его. Дыхание любимого так близко, что слышно у самого уха. Ладонью Лян Шу провёл по его чёрным волосам, кончиками пальцев потрогал мочку уха, откинул прядь, обнажив чистый белый профиль, слегка наклонился и оставил на щеке поцелуй.

Воспользоваться тем, что человек спит, — что ж, не по-рыцарски.

Но, по правде сказать, и второй господин Лю сейчас пользовался собственным сном, в мечтах внимательно разглядывая, как князь моется. Видно, аромат сандалового дерева в воздухе был столь явственен, что в закрытые врата трёх тысяч миров всё же проник Его Высочество князь Сяо. Сидел он в источнике, окутанный белым паром, торс, как всегда, крепкий и рельефный, но покрытый множеством шрамов — и старых, и новых.

— Я вам мазь нанесу, — сказал Лю Сюаньань.

Лян Шу протянул руку:

— Тогда спускайся.

Лю Сюаньань встал и направился к источнику, но оступился и полетел вперёд. Во сне он замахал руками в панике, а в реальности Лян Шу крепко прижал его к себе, успокаивающе похлопал:

— Кошмар приснился?

А в мире трёх тысяч миров князь Сяо тоже протянул руки и подхватил его. Горячая вода брызнула во все стороны. Лицо Лю Сюаньаня покраснело от пара, и он подумал: «Ну, кошмаром это не назовёшь. Вполне даже неплохо. И обстановка романтическая — лепестки, белые да розовые, сыплутся, как снег».

Сыпались они всю ночь, заполонив весь источник, но сонный бессмертный всё не желал пробуждаться. Пока наконец А-Нин не разбил его грёзы вдребезги.

— Господин! Господин! — не унимался А-Нин, тряся одеяльный свёрток. — Это княжеский шатёр! Давайте в город вернёмся, там поспим.

Тут Лю Сюаньань «шмыг» — и сел.

А-Нин так и подпрыгнул:

— Господин, вы... вы почему так быстро проснулись? Я ещё не приготовился...

Лю Сюаньань повертел головой, оглядываясь, и удивился:

— Как я здесь оказался?

А-Нин не удивился — видно, господин опять где-то на травке прилёг, а князь его и принёс.

— А князь где?

— Снаружит, я только что видел, с заместителем Гао беседует. Наверное, о военных делах. Господин, давайте сначала умоемся.

Лю Сюаньань наскоро умылся, прополоскал рот и высунул голову из шатра.

Гао Линь в это время с прямолинейностью рассуждал:

— Господин Лю просто в поле уснул, и князь его встретил. Это совсем не то, что на одной постели ночевать. Я, во всяком случае, никакого намёка не вижу. Радоваться рано.

Лян Шу заметил его краем глаза и сурово молвил:

— Заткнись! Иди делами займись!

И отпихнул его ногой. Затем поправил выражение лица и, лишь когда сзади раздалось: «Князь!» — развернулся с небрежной лёгкостью.

Вычурно, но действенно. Даже А-Нин тихонько ахнул: в лучах восходящего солнца князь Сяо выглядел особенно величественным, весь словно светился. Лю Сюаньань подошёл.

— Выспался? — спросил Лян Шу.

Лю Сюаньань с любопытством оглядел его:

— Князь, что с шеей?

— Продуло, — ответил Лян Шу.

Лю Сюаньань тут же почувствовал за собой вину:

— А...

— «А»? — Лян Шу слегка наклонился, усмехаясь. — Койку мою занял, а спасибо и не сказал.

Лю Сюаньань подумал, что он ведь тоже во сне ему мазь наносил, всю ночь, рука теперь не поднимается. А почему, несмотря на боль, продолжал? Наверное, потому что спасти и лечить — долг врача. Уж точно не из-за того, как приятно было касаться княжеской грудной мышцы... Хороша она была. Очень даже.

И сказал:

— Тогда я вам помассирую.

Лян Шу склонил голову:

— Давай.

<http://bllate.org/book/16268/1464448>